

Ренат БЕККИН

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ДЕТСТВО

Рассказы

Дружеская дуэль

Когда мне стукнуло пять, родители подарили мне голубой игрушечный пистолет. Пистолет этот стрелял цветными шариками, по форме напоминавшими мячики для пинг-понга. Механизм работы этого детского оружия был прост: отводишь назад пластмассовый рычажок, погружаешь в ствол шарик и нажимаешь на курок.

В тот же день ближе к вечеру, когда уже был испечен черничный пирог и мама ввинчивала в податливое тело четвертую или пятую свечу, ко мне в гости завалился Петька. Я расхаживал по квартире и стрелял из своего пистолета во всех возможных направлениях и потому не сразу заметил, что Петька ведет себя как-то странно. Глаза и рот его были широко раскрыты, словно он был испуган или удивлен. Постояв так некоторое время в полном безмолвии, Петька вышел из комнаты. И тут я вздрогнул, как от саечки: «А где же мой подарок? Он, что же, ничего не принес?» Я последовал за другом на кухню и увидел, как тот что-то вполголоса говорит моему папе. Когда Петька увидел меня, то сразу же замолчал. Я подошел к заговорщикам и потребовал объяснений. Папа и Петька переглянулись.

— Тут такое дело... — начал папа.

Оказалось, что в подарок Петька притащил мне точно такой же пистолет, какой подарили мне родители, стрелявший точно такими же цветными шариками. Разве что цвет этого потешного оружия был не голубым, а синим. И вот теперь Петька не представлял, как ему поступить: вручать еще один пистолет было глупо, а оставлять меня без подарка — «некультурно». Это словечко «некультурно» Петька любил повторять по поводу и без повода.

Папа предложил соломоново решение: я отдаю Петьке голубой пистолет, а он мне дарит свой, синий. Так мы и сделали. А потом мы устроили настоящую дуэль, «как у Пушкина»: Петька стрелял из голубого пистолета, а я — из синего. Думаю, не нужно пояснять, кто из нас был Пушкиным, а кто — Дантесом. После счастливо окончившегося поединка дуэлянты уплетали черничный пирог и от всей души смеялись над историей с двумя одинаковыми пистолетами.

Ренат Ирикович Беккин родился в 1979 году в Ленинграде. Российский востоковед, писатель. Выпускник МГИМО (У) МИД РФ. Работал колумнистом в журнале «Большой город», главным редактором литературно-философского журнала «Четки» (Москва), главным редактором Издательского дома Марджани. Литературные и публицистические публикации в журналах «Бельские просторы», «День и ночь», «Дружба народов», «Нева», «Нижний Новгород», «Новая Юность», «Урал» и др. Опубликованы роман «Ислам от монаха Багиры» (М.: Кислород, 2007), повесть «Хава-ля» (М.: Изд-во МГИМО, 2014) и роман «Ак Буре. Крымскотатарская сага» (СПб.: Блиц, 2021).

Убийцы

Петькин дедушка считал меня настоящим бандитом. Когда дед Яша узнал от своего внука, что я обезглавил нескольких солдатиков «по приговору военно-полевого суда», он сказал: «Петруша! Сегодня Ренат отрезал голову солдатику, а завтра отрежет голову тебе» — и добавил что-то про татаро-монгольское иго и кровожадность татар. Все это мне Петька зачем-то пересказал. Не знаю, поверил ли он дедушкиным словам или нет, но дружбы со мной все-таки не прекратил. Возможно, благо разумно решил, что, порвав со мной, он рискует еще больше.

Бедный дед Яша и не подозревал, что его благонравный внук с некоторых пор стал самым настоящим убийцей. И убил он не солдатику, а живое существо. Случилось это так.

Недалеко от моего дома в траве водились лягушки. Когда приходил неизвестный нам мужик с косой и укорачивал траву, лягушек становилось меньше, но совсем они не исчезали.

Однажды мы с Петькой играли в войну. Конечно же, в Великую Отечественную. Мы готовили засаду на врагов. У меня был пластмассовый пистолет-пулемет Шпагина (ППШ). Когда я нажимал на курок, из круглого магазина раздавался сухой скрипучий звук, напоминавший кашель деда Яши, не расстававшегося с «Беломором».

Мы не спеша передвигались в траве, до которой еще не добрался мужик с косой. Трава доходила нам до колена. Мы не сразу заметили сидевшую на камне лягушку. Самую обыкновенную лягушку цвета морской капусты с черными кляксами неправильной формы на спине. Нам казалось, что животное одновременно глядит и на нас, и куда-то в сторону своими неподвижно-опаловыми глазами. Мне стало не по себе.

— Неприятная она какая-то, — сказал я. — Мерзкая.

— Точно! — откликнулся Петька. — Еще щеки надула. Как будто жвачка у нее там.

Лягушка и в самом деле принялась надувать щеки и стала увеличиваться в размерах. Затем она пошевелилась, словно хотела размять конечности перед прыжком. Мы переглянулись, и Петька осторожно потянул за ствол мой ППШ. Я послушно разжал ладони. Сначала я думал, что Петька хочет выстрелить и напугать животное. Но он не стрелял, а поднял автомат над головой и запустил его в лягушку. Удар оказался точным. Лягушка так и осталась на камне, только немного помятая и глаза ее теперь были еще более неподвижны, чем прежде.

Я растерянно смотрел на мертвое животное, на выпятившего нижнюю губу Петьку и на лежавший в траве автомат. Наконец я поднял свое игрушечное оружие, сорвал лист лопуха и протер приклад.

— Слушай, — сказал я. — Раз уж мы... то есть ты ее убил, мы не можем просто так ее здесь оставить.

— Ты хочешь, чтобы я ее съел? — упавшим голосом произнес Петька. В глазах его читался ужас. Я сразу понял, чего так испугался мой дружок. Существовала с незапамятных времен такая мальчишеская традиция: убил ворону — съешь ее. Но то ворона, а тут лягушка. Про лягушек старинный обычай ничего не говорил.

— Ты чего! — отвечал я. — Мы разрежем ее и посмотрим, что у нее внутри. Как настоящие доктора.

«Разрежем» на нашем языке означало, что Петька должен вскрыть лягушку. Довольный тем, что ему не придется поедать свою жертву, он оторвал похожий на покрашенное в зеленый цвет коровье сердце лист лопуха и прикладом автомата спихнул на него мертвое животное, как официант смахивает крошки со стола несвежей тряпкой. Я закинул автомат за плечо, и мы с Петькой, подхватив с двух сторон лист, как носилки, перенесли лягушку в песочницу.

— Ножик нужен. Я сейчас домой слетаю, — Петька поднялся, чтобы идти.

— Не надо, — строго сказал я. Я хорошо понимал, чем это кончится. Петька пойдет за ножиком, и потом мне ни за что не удастся выкурить его из дома. У него найдется тысяча и один предлог, чтобы не выходить: живот заболел, бабушка попросила картошку почистить, деду с сердцем плохо стало.

Я побродил вокруг площадки и под старым дубом нашел пару палочек. Длинные и крепкие, они были вполне пригодны, чтобы осуществить задуманную операцию. Петька тяжело вздохнул и, пригвоздив одной палочкой лягушку к листу лопуха, другой стал распарывать ей живот и выволакивать внутренности.

— Сердце ищи, сердце! — беспокойно твердил я.

— Нет нигде, — растерянно бормотал Петька.

— Как же нет? Должно быть, — я отобрал у Петьки палочки и сам принялся искать нужный орган, но и у меня ничего не вышло.

— У лягушек, наверное, нет сердца, поэтому они такие некрасивые и злые, — предположил Петька.

— Наверное.

Дома я спросил папу, есть ли у лягушек сердце.

— Конечно, есть, — сказал папа. — А почему ты спрашиваешь?

И я рассказал папе историю про лягушку.

— Это не у лягушки, а у тебя сердца нет, — покачал головой папа. — Иначе бы ты не убил животное, которое тебе ничего плохого не сделало.

Я стал объяснять, что убил-то как раз Петька, а я только хотел узнать, что у нее внутри, раз уж она все равно неживая была.

— Вы оба убили, — сказал папа.

Так я узнал, что такое коллективная вина. Больше лягушек я не убивал. И Петьке не позволял.

Так что дед Яша оказался неправ. Бандитом я не стал. Врачом, впрочем, тоже.

Детсадовская эротика

Нередко можно услышать от мемуариста признание, что первая любовь посетила его или ее еще в детсадовском возрасте. Я бы и рад похвастаться тем же, но не могу — иначе мне придется уклониться от правды жизни. Никого я в детском саду не любил. Почему? Точно сказать не могу. Возможно, в чувственном развитии я отставал от некоторых мальчиков и девочек. Или нет, неправильно сказал: не отставал, а, скорее, не особо спешил. Были у меня тогда дела поинтереснее, но об этом после, если представится случай.

Как и в любом нормальном детском саду, у нас был предусмотрен тихий час после обеда. Кто хотел — спал, кто не хотел спать — просто лежал. Наверное, тогда у меня родилось отрицательное отношение к дневному сну. Как можно назначать сон по расписанию для большого коллектива? Находились, конечно, и те, кто всякий раз честно спал положенные пятьдесят минут, а то и весь час. Но таких было немного.

Стоило воспитательнице выйти из общей залы, где в несколько рядов были расставлены раскладушки, как все кругом наполнялось молодостью жизни. Начинали эту суету обычно девочки. Они садились или поднимались в полный рост на своих временных постелях и затевали какое-нибудь шуточное представление. Это было что-то среднее между репризой коврового клоуна и любительским стриптизом. Одно из таких представлений я помню и сейчас. Скажу больше: память моя сохранила не только сам танец, но также имя и фамилию танцевавшей девочки. Аня. Аня Окишева.

Однажды, когда объявили тихий час, Аня первой сползла с раскладушки и без всяких предисловий натянула трусы до пупа и, виляя тощим задом, принялась прогуливаться между раскладушками. Все это сопровождалось ее собственными комментариями: «Смотрите! Новая мода» или что-то в этом роде. Аня разбудила одного мальчика, который ей нравился. Имени его я не помню. Могу лишь заверить читателя, что это был точно не я, потому что я тогда и так не спал. А тот мальчик как раз спал и очень разозлился, когда его потревожили. Он пригрозил Ане, что порвет ее трусы, если она «не уйдет в жопу». Услышав шум, явилась воспитательница, и представление оборвалось.

Пожалуй, я все-таки погорячился, употребив ранее слово «стриптиз». Шоу Ани, конечно, содержало элементы невинного эротизма, но в целом не нарушало границы приличий. Трусы пятилетней девочки были задраны настолько, насколько позволяли советская легкая промышленность и советское же воспитание.

Но даже если бы Аня и сотворила что-то непотребное, я бы все равно ничего не понял. О том, что скрывалось за белыми трусиками у Ани и у других девчонок, мне чуть позже доверительно сообщили мальчишки из нашей детсадовской группы. Помню два моих приятеля — Эдик и Сашка — отвели меня в сторону, и Сашка шепотом спросил: «Ты когда-нибудь видал петушок у девчонок?»

— Нет, — испуганно отвечал я.

— А ты знаешь, что у них ТАМ все по-другому, — все так же шепотом продолжал Сашка.

— Как это по-другому? — изумился я.

Вместо ответа эстонец Эдик, блондинистый парень с испорченными сладкой пищей зубами, нарисовал куском мела на асфальте неровную окружность и разделил его прямой линией надвое.

— Так это же жопа, — засмеялся я, решив, что меня хотят надуть.

— Нет это у них такой петушок, — строго сказал Эдик. — Он правда на жопу похож. Но это не жопа.

— А ты откуда все это знаешь?

— Сашка у сестры видел, когда ее мыли. А я ему верю.

Услышанное удивило, но почему-то не сильно взволновало меня. Я не знал, что делать с упавшим на меня знанием, и потому лишь принял его к сведению.

Вскоре после этого разговора у нас дома появилась большая книга с карикатурами датчанина Херлуфа Бидструпа. На книге, кроме имени и фамилии художника, было написано большими буквами: Уран Шог. Это космическое название радовало меня не меньше, чем сами картинки. На самом же деле это было монгольское издание, и потому все подписи к карикатурам тоже были на монгольском. Книга эта и сейчас у меня дома, и я то и дело бросаю взгляд на ее обложку цвета слоновой кости, когда пишу эти строки.

Я быстро научился выговаривать непривычную заморскую фамилию и с удовольствием разглядывал карикатуры, а папа с готовностью пояснял, что хотел сказать художник. Монгольского он, конечно, не знал, но там и без текста все было понятно. Взрослому человеку, конечно. Встречалось там немало карикатур, на которых были изображены полуобнаженные или совсем голые женщины: блондинки, брюнетки, с длинными волосами и с короткими стрижками.

Думаю, не ошибусь, если скажу, что это было первое изображение голых женщин в моей жизни. Того, что нацарапал Эдик мелом на асфальте, у Бидструпа не было. Как правило, обнаженные женщины представляли перед читателем так, что из невидимых постороннему глазу частей тела была видна только жопа. Имелись, впрочем, в этой книге и более откровенные картинки. На одной карикатуре был изображен одетый

в костюме с галстуком мужчина средних лет в очках, подстриженный под бобрик. Художник изобразил только верхнюю часть его туловища. Все остальное утопало в водовороте прилепившихся друг к другу обнаженных женских тел. Не у всех дам были видны лица. Мужчина широко раскинул руки, как настоящий утопающий, и звал на помощь, а над ним уже нависала огромная волна, настоящий девятый вал из тех же голых тетенок. Самое смешное, что мужчина на этой карикатуре был очень похож на моего папу. Я сразу обнаружил это сходство, но почему-то не стал сообщать об этом открытии папе. И маме тоже не стал ничего говорить.

Не знаю, почему мне давали в руки Бидструпа. Наверное считали, что я ничего не пойму. Я и в самом деле ничего не понимал. Вспомнить бы, что мне тогда говорил папа про картинку с «девятым валом». Может, ничего не говорил. А я, может, ничего и не спрашивал. Понял я тогда только одно: Бидstrup рисует женщин лучше, чем Эдик.

Лунатик

Наша школа была не просто школой, а школой-интернатом. Это означало, что дети там не только учились, но и жили. Все обязаны были «ночевать в школе», хотели они того или нет. Тех, кто не хотел, было, конечно, больше. Куда лучше лежать в собственной кроватке, а не на казенной шконке и засыпать, слушая чтение мамы или бабушки, а не бормотание и храп одноклассников.

За порядком была призвана наблюдать ночная нянечка. Анна Никитична ходила по этажам и наблюдала, чтобы мальчики не ходили к девочкам, а девочки — к мальчикам и чтобы в спальнях была мертвая тишина.

Четырехэтажное здание школы делилось на две части: младший и старший корпус. Между ними были столовая, учительская, спортзал, кабинет завуча. Нижние этажи каждого из корпусов занимали классные комнаты и учебные кабинеты, а два верхних отводились под спальни. Ученики первых пяти классов ночевали в младшем корпусе, а старшеклассники — соответственно, в старшем. На третьем этаже спали девочки, а четвертый этаж был традиционно мужским. Кровати располагались в ряд. Обычно мальчики и девочки из одного класса занимали по одной спальне. В среду в «банный день» детей после учебы отправляли по домам — помыться, а у ночной нянечки был выходной.

У Анны Никитичны была непростая работа. Редко какая ночь обходилась без происшествий. Поэтому утром перед первым уроком нередко происходил разбор полетов, и наша «дневная» воспитательница Валентина Александровна вместе с классной руководительницей Татьяной Юрьевной выясняли, кто накануне ночью злостно нарушал режим, шумел, посещал другой этаж или не соблюдал правила гигиены. Последнее не считалось серьезным правонарушением, но тоже бралось на карандаш. Бывало, после весело проведенной ночи кто-нибудь запирался в туалете и, вместо того чтобы делать зарядку с физруком Толь Толичем и умываться, пытался украсть у вечности минут пятнадцать-двадцать и покемарить на «толчке».

В вопросах гигиены на помощь Анне Никитичне приходили наши шефы. В школе было принято, чтобы старшие классы шефствовали над младшими. Когда мы были первоклашками, наши шефы учились в четвертом классе.

Шефы помогали воспитателям в деле воспитания и просвещения своих незадачливых подшефных. Воспитатель не всегда находился рядом, а функция ночной нянечки была чисто полицейской и состояла в поддержании порядка, поэтому шефство было важным институтом в воспитательной системе, существовавшей в интернате. Шефы помогали Анне Никитичне и Толь Толичу поднимать малышей на зарядку, следили за их личной гигиеной. Помнится, кто-то из мальчишек с дрожью в голосе

рассказывал, как его учила подмываться строгая девочка по имени Оля. Несчастный плакал от смущения и досады и просил Олю сначала «показать все на себе», чтобы он запомнил и потом повторил, когда она уйдет.

Во избежание недоразумений заверю читателя, что этим мальчиком был не я. Дело в том, что сам я ни одной ночи не ночевал в интернате. Пожалуй, я был единственный такой. Чего только не придумывала директриса — та самая, что моржевала с дядей Мишей Селявским, — чтобы заставить меня ночевать, но маме всякий раз удавалось отбить меня. К счастью, это обстоятельство, выделявшее меня среди одноклассников, не сделало меня всеобщим объектом ненависти, зависти или чего-нибудь еще в этом роде. Если и припоминали мне мой отрыв от коллектива, то в шуточной и вполне доброжелательной форме. Так, поздравляя однажды мальчиков класса с 23 Февраля, девчонки спели частушку про меня:

Ах Ренатик, наш Ренатик,
Ты у нас почти лунатик.
В интернате не ночуешь,
Каждый день домой кочуешь.

Прозвище «Лунатик» не пристало ко мне. Наверное, потому, что так уже называли другого мальчика из нашего класса — Славку Горячева. Он был «ходоком»: часто бегал после отбоя на третий этаж к девчонкам, когда они уже спали, и трогал их под одеялом. Когда его поймала на месте преступления Анна Никитична, он закричал страшным голосом и разбудил всех наших одноклассниц.

Утром во время разговора с воспитательницей и классным руководителем Славка признался, что страдает лунатизмом и совершенно не помнит, что происходило с ним прошедшей ночью. А закричал он оттого, что нянечка разбудила его, и он испугался. Кто-то из девчонок подтвердил, что Славка действительно вошел в спальню с закрытыми глазами.

Воспитательница решила, что в таком случае Славке ни в коем случае нельзя ночевать в школе. Но такое развитие событий не понравилось Горячеву, и он обещал, что в ближайшие выходные подлечится и больше не будет «лунатить». Славка был одним из тех немногих, кто любил ночевать в школе больше, чем дома.

— Ну что, вылечился? — спросили мы его в понедельник утром.

— Вылечился, — отвечал Славка.

Но на третий этаж Горячев ходить не перестал. Только делал он это теперь с широко открытыми глазами.

Внимание: газы!

Мне нравились занятия по начальной военной подготовке. Они были у нас класса до третьего или четвертого. С военруком по фамилии Гунченко мы разбирали автомат Калашникова, изучали, какие виды отравляющих химических веществ существуют в сопряженном с нами мире, и узнавали много другой полезной информации. Но товарищ Гунченко был человеком ответственным и стремился дать нам не только голую теорию, но и практически подготовить нас к возможным неприятностям, происходящим от противника. Имя противника не называлось, но мы-то знали, кто это: америкосы. Гунченко мог зайти в класс посреди урока и, коротко поздоровавшись с учителем, объявить: «Внимание: газы!» В слове «газы» букву «г» он произносил на украинский манер. Мы все как один, и мальчики, и девочки, срывались с мест и устремлялись, наступая друг другу на пятки, в коридор, а оттуда быстрым шагом под предво-

дательством военрука направлялись в подвал. Там мы надевали противогазы, и стоявший с секундомером Гунченко фиксировал, кто замешкался. Эти внезапные учебные тревоги иногда были сущим спасением для тех, кто не выучил урок. Порой несчастного только успели вызвать к доске, и он уже мысленно настраивался на «парашу» в школьном журнале, и тут появлялся спаситель в военной форме с погонами майора.

В Советском Союзе культмассовые мероприятия начинались в детском саду и сопровождали человека по жизни: в школе, в армии, на работе и даже в тюрьме, от которой, как известно, как и от сумы, в нашей стране никто не застрахован. Наш военрук также не оставлял без внимания «культурный аспект воспитания». Бывало, на перемене нас выстраивали в коридоре, и мы, маршируя, пели любимую песню Гунченко — «Варяг»:

Наверх вы, товарищи, все по местам!
Последний парад наступает...
Врагу не сдается наш гордый «Варяг»,
Пощады никто не желает!

Меня лично нисколько не тяготили эти песенно-маршевые упражнения. В конце концов, было не так уж плохо размять ноги и прочистить глотки на перемене.

На уроках музыки нам тоже приходилось петь что-нибудь революционно-патриотическое. Например, «Песню единого фронта». Мне особенно нравилось начало этой песни: «И так как все мы люди, то должны мы — извините! — что-то есть».

В честь каких-нибудь красных дней календаря самая голосистая часть класса пела хором в актовом зале вместе с другими детьми. Поскольку школа наша была специальная, мы исполняли еще и китайские песни. Одним из наиболее почитаемых у нас праздников был Чуньцзе, китайский Новый год. В эти дни проходил концерт, и кто-нибудь из нашего класса обязательно участвовал в коллективном исполнении песен страны изучаемого языка.

Имелся у нас в классе свой запевала, Максим Гапич, — тот самый, с которым нам чуть не дала ремня Татьяна Юрьевна. Он не то чтобы был таким уж голосистым, но больно хорошо у него выходила одна песня — «Мальчишки у стен Ленинграда» из фильма «Зеленые цепочки». Если мы ехали классом на экскурсию, в лес, музей или куда-нибудь еще, Валентина Александровна говорила Гапичу встать рядом с водителем автобуса, протягивала ему микрофон и говорила изменившимся голосом: «Давай, Максим, нашу!» Гапичу не нужно было пояснять, что имеется в виду, и он, прочистив горло, начинал:

В далеком тревожном военном году
Под гром батарей у страны на виду
Стояли со взрослыми рядом
Мальчишки у стен Ленинграда.

То ли Максим действительно хорошо пел, то ли песня эта о чем-то напоминала блокаднице Валентине Александровне, но на глазах у нее неизменно появлялись слезы. А Гапичу за «Мальчишек» прощалось многое.

Кусок бездельника

Альбина Николаевна Писковская стала нашей классной руководительницей в пятом классе. Мы с сожалением покинули ставшее нам за эти четыре года родным по-

мещение на первом этаже младшего корпуса и поселились в кабинете математики. Он находился на втором этаже старшего корпуса между кабинетами истории и китайского языка.

Математика мне тогда нравилась, и я с удовольствием брался за любые задачи и примеры. Альбина Николаевна меня как-то сразу отметила и хвалила за успехи в алгебре и геометрии. Но не всем так повезло, как мне. Не было урока, чтобы мы не услышали от Альбины Николаевны одно из любимых ее выражений.

— Что стоишь, открыв рот шире Финского залива? — так обращалась она к тому, кто в замешательстве врос в паркет у доски, не зная, как решить задачу или дописать формулу. Иногда вместо этих колючих слов звучало что-нибудь попроще и поглубже: «Закрой рот, горло простудишь!» Если несчастный или несчастная так и не смог ничего выдать из себя, Альбина Николаевна произносила, словно молотком по крышке гроба ударяла: «Садись на место, кусок бездельника».

«Кусок бездельника» плелся на свое место, несолоно хлебавши, а Альбина Николаевна уже вытаскивала из-за парты новую жертву: «Как поживает ваше ничтожество?» Ответа на такой вопрос обычно не следовало, его, впрочем, никто и не ожидал. Вслед за тем шло приглашение к доске. Справедливости ради нужно отметить, что так Альбина Николаевна обращалась не ко всем, а лишь к злостным двоечникам и нарушителям дисциплины.

Никто ни из нас на эти реплики не обижался. Кто-то опускал глаза, кто-то тихо посмеивался. Но никто никогда не плакал и ни в коем случае не считал, что его обидели и унизили или, как сейчас принято говорить, травмировали.

Меня Альбина Николаевна не обижала, да я, впрочем, и не давал повода. Математика, как я уже заметил, мне тогда действительно нравилась, и я даже всерьез подумывал о том, не стать ли мне новым Лобачевским или хотя бы Евклидом. Но однажды Альбина Николаевна жестоко разочаровалась во мне.

Дело было так. Кто-то в очередной раз что-то натворил, и Альбина Николаевна перед самым уроком прохаживалась перед нами, стоявшими вдоль рядов парт, и произносила свои монологи.

— Ну скажите, что мне с вами делать?! Что?! — в отчаянии говорила математичка, заламывая руки. — Что мне сделать, чтобы достучаться до вас, подлых душонок? Что? Голову мне, что ли, об стенку разбить? — сказав это, Альбина Николаевна остановилась передо мной. Я как раз смотрел на нее и решил, что вопрос этот адресован лично мне. Недолго думая, я брякнул: «Попробуйте». Произнес я это негромко, но Альбина Николаевна меня услышала.

Она надулась, как индюк, покраснела и тяжело задышала, будто только что вынырнула из пучины морской: у нее была астма. Она хотела что-то сказать, но не смогла ничего сообразить от волнения.

Я и сам тогда понял, что сморозил глупость, и расстроился не меньше Альбины Николаевны. С тех пор я не отвечаю на вопросы, адресованные не мне лично, а толпе. Что мне, больше всех надо?..

Председатель совета отряда

Пионером я стал весной 1988-го. Случиться это должно было чуть раньше — осенью 1987-го, но тогда вся страна отмечала 70-летие Октября, и все революционные объекты Ленинграда готовились к торжествам. Принимали нас в пионерскую организацию в Музее Ленина в Мраморном дворце, во дворе которого тогда находился

всем известный броневик «Враг капитала», а теперь стоит конная статуя Александра III работы Паоло Трубецкого.

За месяц до этого мы начали репетировать церемонию в пионерской комнате, где, выстроившись в ряд, по очереди произносили клятву пионера: «Я, такой-то, вступая в ряды Всесоюзной пионерской организации имени Владимира Ильича Ленина, перед лицом своих товарищей торжественно обещаю горячо любить и беречь свою Родину...» Самое интересное, что о самой церемонии в моей памяти ничего не сохранилось. Словно кто-то нарочно удалил все данные, касающиеся этого важного для советского школьника события. Я не помню ни помещения, в котором все это происходило, ни себя, ни слов, которые произносил, когда мне повязывали на шею галстук.

Мог ли я тогда предположить, что меньше чем через год с небольшим меня ожидает взлет в моей пионерской карьере.

Дело было в 1989 году. У нас в классе существовали две главные административные должности: председатель совета отряда и староста. Никто не понимал, почему председатель совета: ведь никакого совета у нас не было. Я тогда еще не знал, что советы в нашей стране были чем-то вроде единорогов или гномов: о них все слышали, но никто или почти никто с ними не сталкивался.

Собственно, и отряда у нас тоже никакого не имелось. Был обычный класс, разбитый на «звездочки». «Звездочки» формировались следующим образом. Мы сидели за партами по двое. В младших классах мальчиков старались сажать вместе с девочками, но это правило не всегда соблюдалось: как известно, женщин в России всегда насчитывалось больше, чем мужчин. Парты стояли в три ряда. Между рядами были коридоры. Те мальчики и девочки, которые сидели друг за другом по каждую из сторон этого коридора, и составляли «звездочку». По идее весь класс был отрядом, состоявшим из «звездочек». Но совета отряда, повторюсь, не существовало. Выходило, что председатель совета отряда был чем-то вроде почетного президента, председателем того, чего нет. Это был атавизм ушедшей эпохи: название есть, а явление перестало существовать.

Со старостой все было более или менее понятнее. Он был чем-то вроде завхоза и отвечал за все административно-хозяйственные вопросы в классе.

В прежние времена Валентина Александровна, никого не спрашивая, назначала своим волевым решением старосту и председателя совета отряда. Эти должности попеременно занимали два человека: Кирилл Андреев и Вика Александрова. Один год Кирилл был председателем, а Вика старостой, а на следующий они менялись, и Вика старостила, а Кирилл председательствовал. Но в 1989 году все поменялось. Перестройка была в самом разгаре, и Валентина Александровна то ли сама, то ли по чьему-то совету посчитала нужным провести первые в истории класса открытые и демократические выборы председателя и старосты.

Сначала выбирали председателя. Валентина Александровна выдвинула Кирилла и Вику.

— Есть еще кандидатуры? — вдруг спросила она.

Все молчали, не понимая, что происходит. Никто не привык, что можно просто взять и выдвинуть своего кандидата. Не предложенного сверху, а своего!

— Так, есть еще кандидатуры? — спросила Валентина Александровна.

— Есть, — наконец прозвучал чей-то голос. — Белкина в председатели.

От удивления я раскрыл рот. Мне показалось, что я ослышался. Нет, не ослышался. Не буду врать, не помню, кто назвал тогда мою фамилию. «Это, наверное, кто-то пошутил», — решил я. Уже через несколько секунд я смеялся вместе с классом.

Я не был отпетым хулиганом, но на главного пионера в классе никак не тянул. Был раздолбаем, свободолюбцем.

— Хорошо, — неожиданно сказала Валентина Александровна. — У нас три кандидатуры: Андреев, Александрова и Белкин. Давайте голосовать.

Все изумленно переглядывались, по-прежнему не понимая, что происходит. Началось голосование. И тут произошло чудо. Почти весь класс поднял руки, когда прозвучала моя фамилия. Я тоже поднял руку, но не потому, что желал стать председателем, а от полной растерянности. Когда не осталось никаких сомнений в моей победе, я стал внимательно наблюдать за Валентиной Александровной. А что если сейчас она возьмет и отменит результаты выборов. И сами выборы тоже. И назначит, как прежде, Вику или Кирилла. Но и этого не произошло.

— Давайте поздравим Рената с избранием, — сказала Валентина Александровна. Она наверняка не меньше моего была удивлена результатами голосования, но по лицу ее этого сказать было нельзя. — Надеюсь, Ренат станет серьезнее и будет ответственнее относиться к своим новым обязанностям.

Все зааплодировали. Те из мальчишек, кто был рядом, стали толкать меня и хлопать по спине.

— Подождите, ребята, — прервала поток поздравлений Валентина Александровна, — радоваться будем потом. Нам ведь еще нужно выбрать старосту.

Воспитательница снова выдвинула двух своих фаворитов: Кирилла и Вику.

— Есть еще кандидатуры?

— Прищепова, — это я, ободренный свалившимся на меня успехом, подал голос.

— Хорошо, — сказала Валентина Александровна, не моргнув глазом. — У нас три кандидатуры: Андреев, Александрова и Прищепов. Давайте голосовать.

И вновь случилось чудо: класс почти единогласно выбрал старостой Прищепова. Валентина Александровна поздравила Сашку и, как в моем случае, произнесла несколько напутственных слов.

Должность моя оказалась синекурой. Если от старосты еще требовали выполнение каких-то обязанностей, то как председатель совета отряда я всего пару раз ходил на совещания в пионерскую комнату. В следующем году выбирали уже только старосту. Не помню, кто им стал, но точно не Прищепов. Хорошего помаленьку.

Путчисты

Каждое лето мы ездили в Клайпеду и на Куршскую косу. Лето 1991 года не было исключением. К тому времени Литва уже больше года считала себя независимой. После событий у телецентра в Вильнюсе в январе 1991-го уже никто не сомневался, что Литва — отломанный ломоть и ни в какой Советский Союз ни за что не вернется, разве что под дулом автоматов. Тетя Галя и все наши клайпедские родственники оказались в непростой ситуации. С одной стороны, они сочувствовали беспомощным попыткам сохранить Союз, с другой — понимали, что крах страны — дело неизбежное, а жизнь в независимой Литве не так уж и плоха. Ни у кого из них не возникло желания уехать в Россию или на историческую родину — в Белоруссию. Им было с чем сравнивать: рядом находился Калининград, где у многих были родственники, друзья и знакомые. В итоге все наши клайпедчане получили литовское гражданство, даже баба Валя, которая ни слова не говорила по-литовски, хотя прожила в Клайпедке срок пять лет.

Нашу клайпедскую родню объединяло неприятие Ельцина. «Лучше уж наш жулик, чем ваш пьяница», — говорили они. В словах этих не выразилось мнимое превосходство над нами, а лишь сочувствие постигшей нас беде. «Жуликом» же они называли одного из ведущих литовских политиков того времени, председателя Верховного Совета Литвы — Витаутаса Ландсбергиса.

К счастью, визы пока никто не вводил, и мы по-прежнему могли спокойно въезжать и выезжать, сколько захотим. Мы решили воспользоваться этим и собрались посмотреть Калининград. Я никогда там не был, но слышал много хорошего о местном зоопарке, построенном еще при кайзере. Поездку наметили на 19 августа. Встали мы рано, чтобы успеть обернуться за день, и потому о случившемся в Москве узнали только в автобусе, который шел из Ниды в Калининград. Водитель включил радио, и весь автобус услышал новость о том, что в Советском Союзе вводится чрезвычайное положение.

Родители стали совещаться. Стоит ли ехать или повернуть назад, пока не поздно? Решили все-таки поездку не отменять. На погранпункте отец спросил литовского пограничника, сможем ли мы вернуться назад, и тот, не задумываясь, ответил, что сможем.

— А если солдаты оттуда, — отец указал в сторону России, — попытаются сунуться, вы же их не пропустите? Сможете подстрелить нескольких?

Мне стало не по себе от его слов, но я ничего не сказал. Такие настроения, к сожалению, были не редкостью в среде интеллигенции. Сначала люди вступали в партию, потом от нее отрекались и проклинали все, что с этим было связано.

В Калининграде отец не расставался с радиоприемником и слушал «Свободу». Мы встречали немало людей, узнававших таким способом новости. Это были в основном те, кто не принял переворот. Но больше было тех, кто открыто радовался случившемуся. Эти люди кричали что-то, проклиная Ельцина и Горбачева, поздравляли случайных прохожих и непременно желали обнять их, особенно если были навеселе. Один такой товарищ потянул руки к моему отцу, но не удержался на нетвердых ногах и упал, разбив себе нос.

В тот же день мы вернулись назад. В Литве все были спокойны, как тот пограничник, с которым разговаривал отец. Или, по крайней мере, не показывали вида, что их тревожит происходящее в Москве.

— Это ваши внутренние советские дела, они нас не касаются, — сказал нам один литовец в кафе.

Он оказался прав, этот случайный знакомый. Все закончилось еще до того, как мы вернулись в Ленинград. Мы смотрели по телевизору в холле дома отдыха «Жуведра», как Горбачев спускается по трапу самолета. Он выглядел как человек, который уже настроился утонуть, а его вдруг выбросило волной на берег. Родители радовались, что Ельцин поддержал Горбачева.

Осенью меня ждал еще один путч, к счастью, не настоящий, потешный. Каждый год в школе в день самоуправления (обычно совпадавший с днем учителя 5 октября) затевались какие-нибудь веселые мероприятия. Например, учителя выбирали лучшего из учеников по своей дисциплине и делегировали ему или ей право не только вызывать к доске одноклассников, но и ставить им самые настоящие оценки в журнал. Однажды наш историк по прозвищу Мыло доверил мне вести урок. Как же оттянулся я тогда! Я вызывал к доске самых отвязных наших девчонок и нещадно ставил им «параша» в журнал за неверные ответы. Сколько потом «комплиментов» пришлось мне услышать в свой адрес.

В октябре 1991-го старшеклассники решили соригинальничать. Было задумано, что в школе произошел путч, на всей ее территории вводилось чрезвычайное положение, а вся полнота власти переходила к школьникам, а точнее — к одиннадцатым и десятым классам. Помню во время урока математики к нам в класс ворвались несколько старшеклассников во главе с сыном завуча Мишкой Кутузовым. В руках у них были автоматы Калашникова, правда, с пустыми магазинами. К тому времени началь-

ная военная подготовка в школах уже была отменена, и военруку Гунченко пришлось уйти на покой с песней о крейсере «Варяг» на устах. А такой предмет, как ОБЖ, еще не появился. Поэтому остается только гадать, в чьем ведении были тогда «калаши», оказавшиеся в руках наших доморожденных «путчистов».

Кутузов зачитал с тетрадного листа какую-то декларацию о введении на территории школы чрезвычайного положения. Этот текст с утра уже звучал несколько раз по нашему внутреннему школьному радио, и потому мы были в курсе, о чем говорится в этом документе. Альбина Николаевна сидела и с улыбкой Джоконды слушала Кутузова. Затем «путчисты» попросили ее идти с ними и объявили, что она арестована «впредь до особого распоряжения». Альбина Николаевна безропотно поднялась и направилась под дулами автоматов к выходу.

— Убейте ее, пацаны, — прокричал вослед удалявшимся «путчистам» двоечник Лебедев.

Все заржали. Не смеялась только Альбина Николаевна. Улыбка Джоконды сползла с ее лица, она обернулась и внимательно поглядела на Лебедева. Все замерли. Только тяжелое дыхание Альбины Николаевны нарушало тишину в классе.

Мы вскоре разошлись по домам, а на следующий день все было как обычно: урок, к доске, вопрос — ответ, оценка. Стоял в тот день в расписании и урок математики, но Лебедев на нем не появился, сказал, что у него живот болит.

Могила неизвестного летчика

Недалеко от школы, почти у самого Светлановского проспекта имелось небольшое пространство в несколько квадратных метров, огороженное металлическим забором. Внутри его находился небольшой холмик, над которым склонились две тоненькие березки.

Мы в нашей мальчишеской компании были уверены, что здесь похоронен неизвестный летчик, герой войны. Кто-то из взрослых рассказал нам об этом. В парке Сосновка, начинавшемся через дорогу от школы, в годы войны работал аэродром и было разбито воинское кладбище. Каждый год, накануне 9 Мая, мы приходили к могилам павших летчиков с красными гвоздиками. За время учебы у нас появились свои фавориты, и мы оставляли цветы у их надгробий. Но то было всем известное кладбище, а тут у нас под боком выходило что-то вроде Могилы Неизвестного солдата, о котором все почему-то напрочь забыли. Почему именно здесь, а не на кладбище, до которого рукой подать? Мы и этому факту находили объяснение. Летчик погиб на этом месте, на опушке, и у его товарищей не было ни сил, ни времени перенести его тело в лес. А может, и от тела ничего не осталось, когда подбитый самолет на огромной скорости вонзился в землю, а пилот не успел катапультироваться. Вот и поставили холмик на том месте, где разбился самолет. Кто-то из ребят предположил, что летчик погиб еще до того, как появилось само кладбище в Сосновке.

Посмотрев фильм «Зимородок», где ребята искали героя войны, не подозревая, что это их учитель биологии, мы тоже решили для начала установить имя неизвестного летчика. Начали с простого: стали расспрашивать учителей. Все поначалу отмахивались: «Да что вы, ребята, какая могила?!» Но такой ответ нас не устраивал. Когда мы добрались до физрука Толь Толича, он нам все популярно разъяснил. Оказалось, что никакая это не могила, а всего лишь обозначение самой высокой точки в районе. Мы сначала не поверили, но потом еще несколько старых учителей подтвердили, что Толич говорит дело.

Тогда мы стали усиленно вспомнить, откуда растут ноги у истории про могилу. И кто-то из ребят вспомнил, не сразу конечно, одну ветхую старушку. Дело было

зимой. Мои одноклассники, визжа от восторга, перелезали через забор и играли на обледенелом холмике в «царя горы». Старушка подошла к ним и сказала им что-то вроде этого: «Что же вы делаете, изверги? Вы знаете, на чем вы сейчас топчетесь и тузите друг друга?» Никто не знал. И старушка сообщила, что это не просто холм, а могила летчика, который погиб в войну.

Зачем она наплела нам про летчика? Может, ей просто не хотелось, чтобы мы сломали березки? Нравилась ей эти деревца, и все. Вот она и выдумала на ходу легенду, чтобы отвадить нас от этого холмика. А дальше мы уже сами все докрутили. Впрочем, легенда и в самом деле неплохая вышла. Жаль, Толич все испортил.

«Но пасаран»

Литература — один из немногих предметов в школьном расписании, которые я любил с самого начала и не разлюбил до последнего звонка. Менялись учителя, учебники, а я продолжал читать, как ненормальный. Не все, что мы изучали тогда на уроках и дома, сохранилось в моей памяти. Иногда в голове крутился-болтался, как рыбий пузырь в унитазах, обрывок какого-нибудь стихотворения, которое всеми силами хотелось забыть — вроде тютчевского про весну: «Весне и горя мало, / Умылася в снегу / И лишь румяней стала / Наперекор врагу». Я не мог уразуметь, почему весна и зима — враги. Для меня они были подобны двум вахтерам, которые сменяли друг друга на посту. Или карамельное прокофьевское про русскую березку с «платочками в карманчиках». Я понимаю, конечно: метафора и все такое, но карманчики у березки — этого даже я, неискушенный читатель, не мог принять.

С прозой дело обстояло лучше. Составители учебников «Родной речи» обычно подбирали недурные рассказы. Они если и не трогали за душу, то, по крайней мере, не раздражали. Например, «Акула» Льва Толстого — про мальчишек, которых чуть не сожрала эта хищная рыба, когда они купались в океане. Но один рассказ был настолько сильным, что я и по сей день вспоминаю его. Назывался он «Но пасаран».

Я специально не стал искать его в библиотеках и в Интернете. Хочу говорить о нем без примеси новых впечатлений.

Как уже ясно из названия, дело происходит во время гражданской войны в Испании. Во франкистской тюрьме оказываются представители разных национальностей: русский, француз, немец и англичанин. На первый взгляд зачин рассказа напоминает анекдот — из тех, что были необычайно популярны тогда в детской среде. Обычно они так и начинались: однажды русский, немец и американец... Иногда вместо немца выступали француз или англичанин. Если среди героев анекдота встречался русский, то в финале он либо выходил победителем, либо давал самый остроумный ответ.

Но здесь, конечно, не было никакого анекдота. Люди, оказавшиеся в тюрьме, — участники интернациональных бригад, прибывшие со всего мира, чтобы противостоять франкистам. Они сидят в тесной, пропахшей потом камере и ждут своего смертного часа. Они еще не успели за то короткое время, что находятся здесь, хорошо узнать друг друга.

Вдруг дверь в камеру приотворяется, взгляды всех узников устремляются туда, но никто не заходит. В образовавшейся щели появляется рука, и вслед за тем на пол падает граната. Еще несколько секунд, и произойдет взрыв, и все, кто находится в камере, погибнут. Узники в ужасе глядят на орудие скорой и неминуемой смерти. Секунда, и на гранату наваливается всем телом француз. Он погибает, но все остальные спасены.

Надолго ли? И что ждет их в ближайшем будущем? Об этом в рассказе ничего не говорится. Может, через несколько минут в камеру ворвутся франкисты и всех рас-

стреляют? А может, узники пробудут здесь не один день в ожидании смерти — прежде чем будут убиты. Или, напротив, они обретут свободу, когда республиканцы освободят город, в котором находится тюрьма. Всего этого читателю знать не дано. Но от того не менее сильное впечатление производит выбор, который сделал один из заключенных камеры. Маленький подвиг, решиться на который нужно было сразу, без промедления. Именно эта молниеносность в решении пожертвовать собой поражала и восхищала меня. С тех пор как я прочитал этот рассказ на страницах «Родной речи», прошло много лет. Имя автора не уцелело в моей памяти и имена героев тоже, если у них вообще были имена. Но до сих пор всякий раз, когда я вспоминаю этот рассказ, я задаю себе один и тот же вопрос: смог бы я поступить, как тот француз, или нет? Ему потребовалось не больше двух секунд, чтобы найти ответ, а мне не хватило и тридцати пяти лет.

Волшебная линейка

Нину Михайловну Кулакову помнят все, кто учился в нашей школе, даже те, кто никогда не бывал на ее уроках. Кабинет ее на втором этаже старшего корпуса старались обходить стороной. Вблизи от него рекомендовалось передвигаться двумя способами: либо пронестись мимо подобно лани, так, что и лица не разглядишь, либо плестись медленно, как старая кобыла, пугливо озираясь по сторонам. В любой момент могла распахнуться дверь кабинета или туалета, находившегося аккурат напротив, и на пороге появлялась Нина Михайловна. Завидев торопыгу, она хватала его или ее за шкуру и, хорошенько встрянув, заставляла вернуться в конец коридора, чтобы несчастный или несчастная возобновил свой путь тихим ходом. Если Нина Михайловна была не в духе, то могла сопроводить свои действия комментариями. Одного парнишку, который случайно толкнул ее в коридоре, она назвала «мешком с говном», другого, повинного в том же грехе, — «сраным попугаем». Не помню, чтобы за самой Ниной Михайловной закрепилось какое-нибудь прозвище: так ее все боялись. Даже Ниной нечасто называли.

Когда мы сидели на уроке в каком-нибудь из кабинетов на том же этаже и слышали отчаянный крик, мы уже знали, что это Нина Михайловна выволакивает провинившегося в коридор. Обычно шумели двое: сама жертва и ее истязательница. Слезливый оправдывающийся голос заглушался невыносимым звуком, напоминавшим нитье расстроенного струнного инструмента. Это Нина Михайловна увещевала свою жертву. Не всегда училка разрешала нам высунуть морды в коридор. Это только подогревало наш интерес, и мы пытались угадать по крику, кого на этот раз истязает Кулакова.

Мне повезло: я занимался китайским у Кулаковой и нередко оказывался в роли зрителя ее представлений.

Урок проходил по стандартной схеме.

— Тунсюемен хао!¹ — говорила Нина Михайловна.

— Лаоши хао², — хором отвечали мы.

Нина Михайловна назначала дежурного, в задачи которого входило вытереть доску, проверить наличие мела и сообщить всему классу на китайском языке, какое сегодня число и какая погода на дворе. Потом дежурный садился на место, и начинался урок. Редко какое занятие обходилось без едких комментариев и злых окриков Нины Михайловны. «Что, скальп мешает? Сейчас мигом сниму!» — кричала Кулакова Славке Горячеву, вечно бесившего ее своими безобразными выходками, и нехорошо смотрела на его взлохмаченную голову.

¹ Здравствуйте, ученики (кит.).

² Здравствуйте, учитель! (кит.).

Чаще всего жертвами Нины становились девчонки. Некоторые из них и в самом деле вели себя дерзко. Когда Нине Михайловне было лень подняться, она нагибалась, хватала тапок и метала его в провинившегося. Для нас было истинной забавой увернуться сначала от одного, а затем от другого тапка. Затем тот, кому предназначался «снаряд», должен был принести его Нине Михайловне, и если делал это поспешно, то заслуживал снисхождения. Это был хорошо известный всем ритуал, и «мишени» не требовалось дополнительного приглашения, чтобы поднять свой зад со стула и отправиться за тапком.

Особо дерзкие могли схлопотать линейкой по лбу. Эта толстая пластмассовая линейка была многофункциональной: ею можно было не только карать провинившихся, но и отворять дверь в кабинет, когда там заедал замок. Поэтому нередко когда Нина Михайловна покидала свою резиденцию, в руках у нее был этот простейший измерительный прибор.

Однажды и я чуть было не схлопотал этой линейкой по лбу или по какому-нибудь другому месту. Дело было так. Во время урока я затеял переписку с Катей Карповой. Я давно собирался это сделать и вот наконец решился. Случай был удобный: Катин стол (в кабинете китайского не было парт, а только столы с лингафонным оборудованием) находился рядом с моим. На прошлом уроке китайского я много и хорошо отвечал, поэтому был абсолютно уверен, что Нина Михайловна меня не потревожит.

Я вырвал клочок бумаги из тетрадки (обычной, конечно, а не разлинованной на квадратики, в которой мы писали иероглифы, — эти были на вес золота) и стал сочинять текст. Впрочем, текста там почти не было. Основное место занимал рисунок. На нем были изображены голый парень и девушка, но не полностью. Я нарисовал только те части тела, которые обычно наиболее активно участвуют в любовном акте. Технические детали процесса соединения двух тел я тогда представлял довольно плохо. Я понятия не имел, что мой член должен проникать внутрь понравившейся мне девочки. Короче, я думал, что секс — это что-то вроде петтинга, те же обнимашки, только в голом виде. Немного больше я знал и о том, каким образом производятся дети. Я имел понятие, что для их рождения требуются любящие друг друга мужчина и женщина. Какая функциональная роль у женщины, я тоже знал, а вот с мужчиной было не все однозначно. Единственное, что я более-менее четко представлял, — так это как устроены половые органы у мужчин и у женщин. Мои дикарские познания об интимной жизни отражала и нарисованная мною в записке Кате картинка. Изображенный на ней член находился в состоянии абсолютного покоя.

Парадокс состоял в том, что при одной только мысли о Кате, которой была адресована записка, у меня возникала самая настоящая эрекция. Но что с этим счастьем делать, я понятия не имел. Впрочем, не только я один. Помню, однажды мы сидели за одной партой с Филей Русаковым. Учительница что-то объясняла монотонным голосом, я рисовал какие-то глупости на последней странице тетрадки, а Филя, как обычно, сидел, уставившись стеклянными, как у змеи, глазами в одну точку, и ковырял пальцем в носу: с ним такое часто происходило. Вдруг он схватил меня за руку так, что я едва не вскрикнул.

— Смотри скорее, у меня встал, — зашептал он прерывистым голосом. Руки моей он не отпускал.

— Кто встал?

— Член! Смотри: вот, — он потянул мою руку к своим брюкам, и я с трудом отдернул ее: столько звериной силы вдруг появилось в обычно мягкой и влажной Филиной ладони. — Вот же, смотри, — обиженно проговорил Филя, немного расстроенный тем, что я не спешил разделить с ним его радость.

В отличие от Фили, я никогда не кричал от радости и не хватал никакого за руку, чтобы предъявить неопровержимые доказательства, — напротив, всякий раз, когда у меня возникала эрекция, я стыдливо сжимался и больше всего боялся, что меня в этот момент вызовут к доске. Но именно так и случилось в тот раз на уроке китайского.

Я отправил Кате записку, сопроводив свой рисунок коротким вопросом: «Хочешь?»

Ответ Кати удивил и расстроил меня: «С кем?»

«Со мной, конечно», — поспешно набросал я ответ и едва только успел отправить записку, как скрипучий голос произнес мою фамилию.

Я посмотрел на Нину Михайловну. Я не ослышался: она вызывала меня. Мы не всегда выходили к доске, а часто становились рядом со стулом Кулаковой, если ответ был устный и не требовалось писать на доске «иероглифы».

Нина Михайловна повторила мою фамилию, на этот раз громче и решительнее. Я сидел не шелохнувшись, в голове моей вертелась только одна мысль: как успокоить член? Я стал трогать его, но от этого стало еще хуже.

— Белкин, ты что, оглох? — уже с раздражением произнесла Нина Михайловна.

— Н-нет, — пробормотал я.

— Тогда что ты сидишь? Быстро иди сюда!

Перед тем как подняться, я растерянно посмотрел на Катю. Она улыбалась, вертя в руках мою записку, и я почувствовал, что еще мгновение, и брюки мои не выдержат нагрузки. Но ждать еще одного приглашения я не стал и, согнувшись в три погибели, бочком, стал пятиться к столу Нины Михайловны.

— Белкин, что с тобой? — спросила Кулакова. — Тебя парализовало?

— Д-д-а, — только и сумел выдать я.

— Ну тогда тебе повезло, у меня есть хорошее лекарство от этого недуга, — Нина Михайловна стала шарить по столу.

«Линейку ищет», — мелькнула в голове мысль, и в то же мгновение я почувствовал, что огонь внизу моего живота стал угасать, и вскоре я уже мог выпрямиться в полный рост.

Я не ошибся: вскоре в руке у Нины Михайловны появилась обнаруженная ей среди вороха бумаг линейка.

— Не надо, мне уже лучше, — сказал я и через мгновение уже что-то болтал на китайском.

— Эта линейка волшебная. И не от таких болезней исцеляла, — сказала Нина Михайловна, когда я закончил свое выступление.

Когда я вернулся на свое место, прозвенел звонок. Ответа от Кати я так и не получил. Она потом показывала мою записку девочкам, и они нехорошо смеялись, когда я проходил мимо.

Куннилингус

В девятом классе появился у нас урок информатики. В одном из помещений на четвертом этаже старшего корпуса поставили компьютеры БК, экран которых был меньше, чем у черно-белой «Юности-406д». Мы учились писать простые программы на языке «Бейсик».

Однажды учительница Елена Филипповна дала нам задание: смастерить компьютерный мультфильм не больше чем на пару минут. Весь класс был разбит на команды. Нас было трое: Лебедев, Прищепов и я. Сюжет нашего мультфильма был прост: белый медведь подбегает к большому торту, задувает на нем свечи и уносится прочь. Когда все было готово, мы стали думать, как назвать наш мультфильм.

— «Куннилингус», — произнес я на весь класс, словно бросил пустую пачку сигарет «Космос» на стол. Все затихли. Потом, решив, что я пошутил, кто-то из девочек засмеялся. Хотя, может, и не поэтому, а совсем по другой причине, точно сказать не могу.

Я и не подозревал, что означает это слово, но оно мне жутко нравилось. Я вычитал его недавно в газете, то ли в «Калейдоскопе», то ли в «Мегаполис-Экспрессе». Мои соавторы по мультфильму без вопросов приняли это название. Они тоже едва ли догадывались, что скрывается за этим словом.

В конце урока к нам подошла Елена Филипповна. Увидев название, она сняла очки, дунула на них, затем протерла их извлеченным и кармана носовым платком и наконец попросила нас включить мультфильм.

— Ну как? — спросили мы, когда на экране появилось написанное огромными буквами слово «КОНЕЦ».

— Хороший мультфильм, — не сразу ответила Елена Филипповна. Она почему-то не спешила уходить, хотя уже прозвенел звонок. Видно было, что у нее остались к нам вопросы.

— А почему ваш мультфильм так называется? — наконец спросила она.

Мы переглянулись.

— Слово красивое, — сказал я.

— А-а, — протянула Елена Филипповна. — Просто обычно название произведения отражает его содержание. А у вас как-то о другом немного... То есть совсем о другом.

Какой сюжет должен быть у мультфильма с таким названием, как у нас, мы спрашивать не стали. Чтобы не выглядеть дураками. Да и вряд ли бы Елена Филипповна смогла нам тогда это в двух словах объяснить. Во-первых, уже прозвенел звонок, а во-вторых... во-вторых, у нас все-таки не урок биологии был, а информатики.

Шапка

Обычно я не лез в автобус, если в нем не хватало места для меня и моего желто-бежевого ранца с Микки-Маусом. Но это лишь в том случае, если я не опаздывал. Не то чтобы опоздание на урок считалось смертным грехом в нашей школе. Но иногда самому не хотелось объявляться после звонка и, выслушав едкие комментарии училки, ползти на свое место.

В тот раз я решил не опаздывать. Желтый ЛиАЗ 93-го маршрута оказался переполненным, так что дверь-гармошка с трудом открылась. Никто не вышел, но я заметил свободное место на нижней ступеньке и немедленно занял его. Посадка была завершена, а дверь не желала закрываться.

«Ничего, не упаду», — думал я. Я крепко держался за рифленые поручни, на ощупь напоминавшие куриную шею из домашнего бульона, и был совершенно уверен в своей безопасности.

Автобус отъехал, но сразу же остановился. Водитель что-то бубнил в микрофон, но разобрать, что он хотел сообщить городу и миру, было совершенно невозможно.

«Сломался, что ли?» — подумал я.

Я прижался щекой к колючему пальто висевшего ступенькой выше пассажира. Но дверь все равно не хотела закрываться, и автобус продолжал стоять. До меня доносились недовольные голоса пассажиров: «Ну что там? Едем или нет?» Кто-то произнес строго, но вполне, впрочем, дружелюбно: «Мальчик, слезай!»

«Это он мне», — догадался я, но сделал вид, что не слышу.

Вместо ответа я еще сильнее прижался к пассажиру на верхней ступеньке, даже дыхание задержал. Через мгновение я почувствовал, что голове моей стало холодно. Шап-

ка! С меня сорвали шапку! Шапка была кроличья, не очень дорогая. Скажу больше: она мне вообще не нравилась. Ребята, глядя на нее, поначалу спрашивали: «Она что, девчоночья?» Потом все привыкли и вроде как успокоились, но сам я не мог забыть их глупых шуток по адресу моей шапки. Надо ли говорить, что я был не прочь от нее избавиться. Но не таким же диким способом: чтобы кто-то взял и стянул у меня ее с головы среди белого дня!

Я оборачиваюсь и вижу, что у самой двери стоит среднего роста мужичонка, размахивает руками и что-то орет противным, как у простуженной старухи, голосом. Кто это и какого черта ему надо? А шапка? Где шапка?.. Растерянно гляжу по сторонам и вижу ее в шагах пяти на снегу, лежащую, как угодивший под автомобиль котенок. Слезая со ступеньки. Пока ковыляю за шапкой, понимаю, что произошло и, главное, что нужно делать. Вот я уже стою в полный рост с покрытой головой, а в руке у меня снежок размером с два моих кулака. А водитель залезает в кабину. Вот он уже там и смотрит на меня. Гад! Получи, фашист, гранату! Комок снега шмякается о стекло — аккуратно напротив его физиономии. Вот он уже снова на улице, но я, схватив в руки ранец, бегу прочь. Недалеко, впрочем. Оглядываюсь и вижу, как этот урод грозит мне кулаком. Бежать за мной ему не с руки: нельзя надолго оставлять автобус.

Я продолжаю кипеть от злости. Наблюдаю, как мой обидчик тряпкой удаляет следы снега с лобового стекла и возвращается в кабину, затем подбегаю к автобусу и пинаю его с досады в грязный желтый бок. Но тут я поднимаю голову и вижу в окне знакомое лицо тонкогубой блондинки с лисьими глазками. Это Катя Карпова, в которую я безответно влюблен уже почти пять месяцев. Она смотрит на меня и улыбается. Значит, она все видела! Слезы без предупреждения льются из глаз, и я отворачиваюсь, вздрагивая и глотая холодный воздух широко раскрытым ртом. Дверь закрывается, и автобус наконец продолжает свой путь, к радости издерганных пассажиров. Я провожаю его взглядом, и только когда он становится размером с пенал, спохватываюсь: «Номер! Надо было запомнить номер автобуса!» Но для чего? И тут же сам себе отвечаю: чтобы найти этого водителя и убить. Смотрю на часы. Без пяти минут девять, на урок я уже безнадежно опоздал.

Как я покажусь в классе? Как я буду смотреть на Катю? Она наверняка разболтает все девчонкам. Может, не идти сегодня в школу? Нет, если я не пойду, то это вызовет еще больше разговоров. Она подумает, что я слабак, сломался и побежал домой плакать. И я все-таки решаюсь идти. Пешком, чтобы успокоиться и подумать, как жить дальше...

В класс я вошел через двадцать минут после начала урока. Пробормотал извинения и прошел на свое место. Я знал, где обычно сидит Катя, и старался не смотреть в ту сторону.

— Ты чего опоздал? — спросил меня Сашка, сосед по парте.

Я собирался ответить, но тут географичка Ольга Александровна по прозвищу Гипотеза потребовала меня к доске. Я даже учебник не успел из ранца выложить. Сначала Гипотеза невзлюбила меня и даже бросила в мой адрес ставшую затем крылатой фразу: «Я, Белкин, в конце четверти с вас не слезу. Вы у меня стонать будете». Все учителя, за исключением «китайнки» Нины Михайловны Кулаковой, стали говорить нам «вы» с шестого или седьмого класса. Я вышел к доске, на которой висела карта мира, и стал говорить что-то заплетающимся языком.

— Вы можете говорить четко?

Я поднял глаза и увидел Катю Карпову. Он почему-то сидела не на своем обычном месте, в середине класса, а на первой парте, прямо напротив меня. Почему я сразу не заметил ее, когда вошел? Теперь я и подавно ничего не мог выдать из себя.

— Ольга Александровна, я не успел подготовиться. Извините.

Географичка с удивлением глядела на меня.

— Да что это с вами такое, Ренат? Вы же карту хорошо знаете.

Гипотеза не ошибалась, карту я действительно знал хорошо и мог без утомления памяти назвать столицы всех существующих государств: от самых больших до тех, которые обозначались лишь цифрой, потому что буквы на их крохотной территории не помещались. Но в тот неблагоприятный день я смотрел на висевшую рядом с доской карту, словно видел ее в первый раз в жизни. Я ничего не ответил и поплелся на свое место...

Целый день этот проклятый водитель сидел у меня в голове, как клещ под кожей. Каких только казней не придумывал я для него: то отрезал ему голову на глазах у перепуганных пассажиров, среди которых непременно была Катя, то заставлял выйти всех из автобуса, а водителю приказывал разогнаться и врезаться в столб. Потом, когда мой гнев немного поутих, кары стали не такими жестокими. Я всерьез подумывал разбить камнем лобовое стекло и смыться, но потом отверг этот вариант. Я же не гопник какой-нибудь! Нет, лучше я просто загляну к водителю в кабину. Он не узнает меня и спросит: «Чего тебе, мальчик?», а я возьму и плюну ему в харю. Нет, он ведь закроет двери, чтобы я не смылся из автобуса, и вызовет милицию. И как мне тогда доказать, что никакой я не хулиган, а всего лишь мстил за нанесенную мне обиду? У меня ведь, как назло, и свидетелей нет. Хотя нет, есть: Катя. Но лучше не напоминать ей об этой истории. Нет, пожалуй, я что-нибудь поломаю в автобусе. Но поразмыслив, я понимал, что и этот вариант какой-то глупый и к тому же совершенно бессмысленный. Водитель ведь тогда не поймет, что это не хулиганы, а месть за шапку и оскорбление. Нет, он непременно должен понять, что наказан за свое преступление, должен почувствовать, что совершил подлость.

Уже дома, перед сном я наконец придумал, как мне отплатить своему обидчику. Я решил, что когда увижу приближающийся автобус, дождусь, когда он остановится, а затем встану на его пути и не сойду с места, пока этот гад не выйдет. Тогда я посмотрю ему в глаза и скажу: «Помнишь шапку и мальчишку, которого ты на глазах у всех унизил?» Пусть только попробует меня тронуть — я первый ударю его. Для этого я даже стал носить в кармане камень, который при встрече со своим обидчиком мог немедленно переложить в варежку. Вот это будет поступок! Сам Махатма Ганди ничего не имел бы против. И главное — Катя, если она увидит все это, будет довольна. А я очень хотел, чтобы она все это увидела.

Теперь дело было за малым: найти этого гада. Каждое утро в одно и то же время я стоял на остановке и впивался глазами в лица водителей подходивших ЛиАЗов 93-го маршрута. Как выглядел мой обидчик, я запомнил плохо: седой, лысоватый, в свитере с оленями. «А если он поменяет свитер?» — на мгновение усомнился я, но тут же понял, что ни за что не ошибусь и сразу почувствую, что это именно он, даже если встречу его случайно в бане на «Удельной».

Но проходили дни, а человека, похожего на обидевшего меня мерзавца, я не видел. Я пропускал иногда два, а то и целых три автобуса. Куда же он делся? Может, на другой маршрут пересел? Как там у них, в автобусном парке, все устроено? И я стал присматриваться к автобусам с другими номерами. Так я караулил своего водителя недели две. Но он так и не объявился. Я уже совсем отчаялся встретить его, но камень пока не выбрасывал и продолжал носить его каждый день, только уже не в кармане, а в ранце.

Однажды вечером я зашел в большую комнату и услышал доносившийся из телевизора бодрый голос Невзорова. Он сообщал, что никто из пассажиров серьезно не

пострадал, а водитель автобуса в тяжелом состоянии доставлен в больницу. Угроза его жизни сохраняется.

— Какой автобус?! Номер! — закричал я на всю квартиру.

— Не знаю, не расслышал, — сказал папа, перепуганный моим криком. — Где-то в нашем районе, кажется на Светлановском. А что?

— Да так, — сказал я и, не умея скрыть охватившее меня волнение, вышел из комнаты.

А волноваться было от чего. На Светлановском проспекте находилась моя школа.

На следующий день я перед первым уроком бросился расспрашивать одноклассников: кто видел вчера «600 секунд»? Как назло, никто накануне Невзорова не смотрел.

Проползла еще неделя. Весна окончательно выдавила со всех флангов зиму. Последние горки снега растаяли, и грязь с их макушек смешалась с ожившей почвой. Ненавистная мне кроличья шапка была упрятана до следующей зимы вместе с другой зимней одеждой в брюхо дивана-книжки, на котором я спал. Ничто теперь не напоминало мне о том неприятном случае. Разве что Катя. Но меня уже не так сильно волновало, что она обо мне думает. Я был влюблен в другую девчонку. Как ее звали? Да какая, в сущности, разница! Рассказ ведь не о девчонках, а о шапке.

Снежный Человек

Поход длился два дня. Мы вышли из лагеря рано утром, когда солнце еще не припекало наши неприкрытые молодые головы, полные самых веселых и беззаботных мыслей. Была середина смены. За первые две недели я заработал столько мозолей на ногах, что резиновые сапоги, которые я привез с собой из города в начале месяца, оказались мне малы. Поэтому на мне были кроссовки. К счастью, погода не собиралась быть дождливой, если верить нашим лагерным метеорологам.

Добравшись до места, мы разбили палатки. Нам с Прищеповым и Егоровым полагалась одна палатка на троих. Но вечером оказалось, что нас будет не трое, а четверо. К нам присоединилась девочка Аня, которая любила есть димедрол.

Мне было не по душе такое соседство, и когда все устроились на ночлег, я выполз из палатки. Белые ночи еще были в силе. Я прошелся по лагерю. Уже закончились песни у костра про «батюку-атамана», «солнышко лесное» и «генерального секретаря Иванова», игры, призом в которых было исполнение желания, чтение стихов Гумилева и задушевные беседы. Из некоторых палаток доносились сипение или храп, из других слышались приглушенные голоса. Костер, к счастью, еще не потушили. Я подошел ближе и увидел двоих ребят-журналистов из нашего «Дерзания». Один — Леша Нечаев по прозвищу Кришна. Прозвище это возникло так. Когда Леша загремел в нашу лагерную больничку и мы толпой заявили навестить его, он вышел к нам завернутый в простыню и стал говорить какие-то умные вещи. Как обычно, впрочем. Только в другое время на нем не было простыни, а в тот раз была. Почему именно Кришна? Не знаю, не я придумал это прозвище. Он со своей простыней, перекинутой через плечо, больше походил на Платона или Сократа.

Я присел у костра. Собеседник Кришны вскоре ушел спать, и мы остались вдвоем у засыпавшего костра. Мы долго болтали о чем-то важном и интересном вроде спасения человечества от угрозы ядерной войны, пока Кришна не стал зевать. Костер уже потух, и мы не стали снова разжигать его. Кришна отправился спать, и я решил последовать его примеру, совсем забыв о том, что заставило меня бодрствовать. Когда я подошел к нашей палатке, оттуда доносилась какая-то возня. Я постоял пару минут в нерешительности и возвратился к костру. Огонь уже погас, но угли были еще теплые.

Я нашел несколько длинных, средней толщины бревен и пристроил их между двумя камнями, плотно соединив одно с другим на высоте в сантиметров пятнадцать над костровищем. Аккуратно присел на это ложе. Оно выдержало мой вес, и тогда я вытянулся в полный рост. «Так будет теплее, — думал я, — да и от змей подальше».

Я еще не успел задремать, как почувствовал, как спину что-то жжет, словно мне поставили банки или налепили свежий перцовый пластырь. Я дотронулся до спины и отдернул руку. Вскочил на ноги и стал сдирать с себя свою любимую голубую куртку из болоньи. Она уже дымилась. Я растащил бревна и стал затаптывать разгоревшийся огонь. Скоро я почувствовал, как жжет не только спину, но и пятки. В общем, к началу второго дня похода я остался без куртки и без кроссовок. Злой и измотанный, я направился к нашей палатке, решительно раздвинул молнию и, просунув голову внутрь, громко произнес: «Смена караула. Я хочу спать, и у меня нет одежды». Не знаю, может, последние мои слова подействовали, но Анька с Сашкой пулей вылетели из палатки.

Мы остались с Егоровым вдвоем. Димка даже не проснулся, когда я пришел. Крепкие нервы. Завидую.

Весь следующий день я проходил босиком. Поначалу было непривычно, еловые иголки впивались в ступни. Но зато почти не тревожили мозоли. Я так привык к босоному образу жизни, что не стал обуваться, когда мы вернулись в лагерь. Благодаря этой привычке скоро все жители нашего этажа могли знать о моих перемещениях внутри корпуса. Я, конечно, по возможности вытирал ноги при входе в здание и мыл их по сто раз в день, но совсем не оставлял следов у меня не получалось. Уборщица люто ненавидела меня и грозилась засунуть мне швабру в задницу.

Какой-то остряк из нашего отряда сделал из бумаги стрелки и наклеил их на пол и стены в коридоре. Последний указатель был на двери нашей палаты: «Здесь живет Снежный Человек». Меня и в самом деле прозвали Снежным Человеком или Йети. Одна девочка, Саша Фрадкина, даже написала стихи, где были такие слова:

Вот возьму и уйду в Гималаи,
На вершинах там погуляю.
Может, встречу там йети,
Если есть он на свете,
То, конечно, живет в Гималаях.

Мне не очень нравилось повышенное внимание ко мне со стороны знакомых и незнакомых мне людей, но совсем отказываться от образа йети я не хотел. Я надеялся, что Маша Саррина так скорее заметит меня. Но через несколько дней я все-таки нацепил сандалии, потому что Маша по-прежнему оставалась ко мне равнодушной, а уборщица становилась день ото дня злее.